

И. И. ЛЯПУШКИН

О ДАТИРОВКЕ ГОРОДИЩ РОМЕНСКО-БОРШЕВСКОЙ
КУЛЬТУРЫ

В ходе полевых археолого-разведочных работ летом 1940 г. в бассейне среднего течения р. Ворсклы (левый приток Днепра) в числе других памятников нами было обследовано два городища — в селах Опошня и Глинск (Полтавская обл.). Городище в с. Опошня частично было раскопано, было вскрыто три землянки.¹ Местоположение городищ, их внешний облик, размер, характер жилищ и их внутреннее убранство, вещественный материал — все дает основание причислить их к группе роменских городищ (по раскопкам Н. Е. Макаренко) и воронежских (по раскопкам П. П. Ефименко). Обследованные городища не дали материалов для непосредственной датировки этих памятников, а также для этнической характеристики обитателей поселений. Для решения этих вопросов пришлось обратиться к материалам и исследованиям, связанным с роменскими и воронежскими городищами, бесспорное родство которых с исследуемыми нами поселениями очевидно. Изучение этих материалов показало, что при наличии четкой и обоснованной датировки памятников воронежской группы, установленной П. П. Ефименко,² дата городищ роменской группы исследована недостаточно. Воронежскую группу городищ и курганных могильников П. П. Ефименко рассматривает как памятники славянской культуры IX—X вв.,³ с чем нет оснований не согласиться. К этим выводам П. П. Ефименко пришел в 1928—1929 гг. в результате исследования Большого Боршевского и других городищ и курганных могильников в районе гор. Воронежа. Основанием датировки послужили материалы раскопок: арабские монеты, металлические украшения, керамика, и некоторые другие данные.⁴

Тождество памятников воронежской и роменской групп, принадлежность их к одной — Роменской, или, точнее, Роменско-боршевской культуре, дает основание распространить датировку городищ воронежской группы и на городища роменской группы (Монастырище, Вашкевича, Медвежье, Замчище), а тем самым и на исследованные нами городища бассейна р. Ворсклы — Опошнянское и Глинское. Конечно, IX—X вв. — лишь общая дата, дата основных слоев Роменско-боршевской культуры. Датировка отдельных городищ этой культуры должна быть строго индиви-

¹ И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X столетий. КС ИИМК, вып. XII.

² П. П. Ефименко. Ранне-славянские поселения на среднем Дону. СГАИМК, 1931, № 2, стр. 6—7.

³ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древне-русские поселения на Дону (рукопись). В настоящей работе я широко использовал материалы этой рукописи, любезно предоставленной мне П. П. Ефименко, за что приношу ему большую благодарность.

⁴ П. П. Ефименко. Ранне-славянские поселения на среднем Дону. СГАИМК, 1931, № 2. — П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, ук. соч.

дуализирована. Одни из городищ, содержащие роменские слои, содержат более поздние слои — великокняжеской поры, другие возникли, повидимому, несколько ранее, чем группа воронежских городищ. Таким образом, хронологические рамки отдельных поселений должны быть расширены как вниз (например для Опошнянского городища до VIII в.¹), так и вверх (например для Монастырища — до XI в., о чем ниже).

Однако датировка П. П. Ефименко не является единственной и не имеет широкого распространения. В печати чаще наблюдается для этой группы памятников иная дата — VI—VII вв. Наиболее широкую известность такая датировка приобрела со времени выхода в свет статьи Б. А. Рыбакова «Анты и Киевская Русь».² По мнению Б. А. Рыбакова, «основные слои» городищ роменского типа, к которым он причисляет и Большое Боршевское городище, относятся к VI—VII вв. и принадлежат антам. Эту мысль автор повторяет и позднее, в 1943 г. «Городища роменского типа, — пишет он, — с их рядовыми комплексами жилищ, никак не могут считаться типичными для всей антской территории: роменские городища представляют только периферийную, провинциальную культуру восточных окраин антской земли».³ Повидимому, этой же датировки роменских городищ VI—VII вв. придерживается и А. В. Арциховский.⁴ К ней же склоняется и В. В. Мавродин.⁵

Таким образом, налицо две трактовки одних и тех же памятников. Одни исследователи датируют их IX—X вв. и связывают с собственно славянами, другие VI—VII вв. и приурочивают их к антам. Кто же прав? Попытаемся разобраться.

I

Как известно, культура городищ роменского типа впервые была обнаружена Н. Е. Макаренко в 1901 г. на городище Монастырище близ гор. Ромен Полтавской области, на правом берегу р. Ромен (правом притоке р. Сула) при пробных его раскопках.⁶ В 1906 г. работа на городище была продолжена. Одновременно с исследованием городища Монастырище в том же 1906 г., в пределах того же Роменского уезда, был обследован еще ряд городищ, оказавшихся принадлежащими к той же, Роменской, культуре, что и городище Монастырище. Это были: городище в имении Вашкевича, на правом берегу р. Сула, против с. Москалевки; городище Медвежье, у с. Медвежьего, на правом берегу р. Ромен, и городище «Замчище» в г. Глинске.⁷ К полевым исследованиям этих пунктов Н. Е. Макаренко впоследствии возвращался не раз. По заявлению автора, раскопки производились им в 1910, 1912, 1915, 1922 и, наконец, 1924 гг.⁸

Четверть века полевых исследований и наблюдений, казалось бы, — время вполне достаточное как для суммирования накопленного материала, так и для некоторых выводов и заключений общего порядка, например об этническом облике культуры, датировке памятников и т. д. К сожалению, такой итоговой работы по Роменской культуре Н. Е. Макаренко не дал, хотя, по его словам, она им подготовлялась.⁹

¹ И. И. Ляпушкин, ук. соч.

² ВДИ, 1939, № 1 (6).

³ Б. А. Рыбаков. Ранняя культура восточных славян. ИЖ, 1943, № 11—12, стр. 73—80.

⁴ А. В. Арциховский. Введение в археологию, стр. 99.

⁵ В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины, Л., 1940, стр. 32.

⁶ Н. Е. Макаренко, ИАК, вып. 22, 1907, стр. 56.

⁷ Н. Макаренко, там же, стр. 68—76.

⁸ М. Макаренко. Орнаментация керамічних виробів в культурі городищ Роменського типу. Sbornik Niederluy, стр. 323.

⁹ Микола Макаренко. Городище Монастырище. Наук. збірн. істор. секції УАН, 1924, т. XIX (отдельн. оттиск. стр. 8).

Просматривая частные работы Н. Е. Макаренко по этому вопросу, можно заключить, что он очень осторожно подходил к интересующим нас вопросам — датировке памятников и определению их народности. Безусловно, исследованные им городища Монастырище, Вашкевича, Медвежье, Замчище содержали такой комплекс вещей, который очень мало давал как для относительной, так и для абсолютной датировки, а еще менее для определения их этнического облика. Однако, как ни незначительны были эти данные, трудно согласиться с таким заключением, какое дано по этому вопросу в Отчете археологической комиссии за 1906 г.: «Время городищ, — отмечается в отчете, — не может быть определено, так как в них пока что не отыскано характерных находок». ¹ Формулировка этого положения принадлежит, безусловно, автору раскопок, Н. Е. Макаренко. Между тем, в руках Макаренко находились вещи, которые в какой-то степени все же указывали на одну из хронологических вех. К числу этих вещей в первую очередь принадлежат шиферные пряслица (овручские), найденные в различных местах культурного слоя при раскопках городища Монастырище в 1906 г. ² Датировка шиферных пряслиц довольно основательно разработана в славяно-русской археологии. Они датируются XI—XII вв. Это давало полное основание XI—XII вв. считать наиболее ранней датой прекращения жизни на городище Монастырище. Достоверность этой даты подтверждалась рядом других вещей, обнаруженных Н. Е. Макаренко при раскопках. Среди керамического материала можно указать на фрагменты сосудов с линейным и волнистым орнаментом, лепных и гончарных, так наз. славянского типа. ³ Если датировка лепной керамики во всем ее многообразии продолжает еще оставаться довольно-таки темной областью, то этого нельзя сказать о времени появления славянской керамики с линейным и волнистым орнаментом, сделанной на гончарном круге. Для Среднего Поднепровья — это рубеж I и II тысячелетий н. э. Совместные находки керамики указанной группы с шиферными пряслицами давали автору исследования все основания для заключения, что эти вещи не случайны для обследованных им городищ.

В свете материалов, которыми располагал автор как из городища Монастырище, так и родственных ему — Вашкевича, Медвежье и др., не было также никаких оснований отодвигать в глубь веков и нижнюю хронологическую границу. При мощности культурных отложений в среднем 1—1.5 м, при непрерывном процессе жизни на городище, оно едва ли существовало более двух-трех столетий. При наличии верхней хронологической границы не ранее XI в. нижняя граница должна была проходить где-то между VIII и IX вв. Но Н. Е. Макаренко, повидимому, не мог примириться с подобной датировкой. Над ним властвовал «примитивный уклад» исследуемой им культуры, который, как правильно указал в свое время П. П. Ефименко, «побуждает относить ее остатки ко времени, гораздо более раннему, и рассматривать их как памятники ранней поры». ⁴ В угоду этой архайке Н. Е. Макаренко шел даже на пересмотр и понижение датировки керамики с линейным и волнистым орнаментом великокняжеской поры. В работе «Археологические исследования 1907—1909 г.», характеризуя керамику городища «Снітин» Полтавской губернии, Н. Макаренко писал: «Черепки сосудов с орнаментом такого характера [линейным и волнистым —

¹ ОАК за 1906 г., стр. 113.

² Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях. ИАК, вып. 22, стр. 58 и 67.

³ Н. Е. Макаренко. Там же, стр. 58, 67 и др. — Он же. Орнаментація..., стр. 338. — Он же. Городище Монастырище ..., стр. 14.

⁴ П. П. Ефименко. Ранне-славянские поселения на среднем Дону. СГАИМК, 1931, № 2, стр. 6—7.

И. Л.] в археологической номенклатуре обычно носят название славянских и датируются XII—XIII вв. Насколько соответствует действительности подобное определение, скажет будущее, но думается, что хронологические границы их придется отодвинуть в глубь веков». «Особенного внимания в этом смысле, — писал он далее, — заслуживают черепки с волнистым орнаментом группами в несколько параллельных рядов, найденные мною в городище Вашкевича..., в нижних культурных слоях его, и в других городищах роменского типа, имеющих за собой неоспоримое право считаться древнее не только XII, но и X века». ¹ «Один вывод остается несомненным, — пишет он о роменских памятниках в другом месте, — это не есть культура славянского курганного периода, поскольку мы ее знаем в этих местах. Это — культура значительно старше, как можно о том судить на основе остатков ее, которые удалось собрать». ²

Не внесли определенности в его взгляды на вопрос датировки роменских городищ и последующие его раскопки, проведенные в 1910, 1912, 1915, 1922 и 1924 гг. Он попрежнему пребывал в области предположений и догадок. Свою работу 1924 г. он заканчивает таким предположительным заключением: «И когда лишь будет открыто и исследовано больше памятников, нежели нам известно их сейчас, тогда будет иметься полная возможность думать и про заселение края до IX—X вв., например VI—VIII вв., к какому времени возможно будет принадлежать и наше городище». ³ Эту же мысль повторяет автор и в работе следующего, 1925 года. ⁴

Естественно, что такая неуверенность в датировке исследуемой культуры лишала автора возможности решить вопрос и об этническом лице этой культуры. Для этой цели автор располагал еще меньшими данными, чем для вопроса хронологии. Правда, у Макаренко имелся своего рода ключ к пониманию этого вопроса, но им он не только не воспользовался, но даже не пытался этого сделать. Мы имеем в виду достаточно определенное географическое местоположение памятников этой культуры — почти центр Переяславской земли XI—XII вв. При наличии находок вещей (керамики) собственно Роменской культуры совместно с керамикой, по признанию самого автора, безусловно славянской XI—XII вв. географическое местоположение говорило за многое. Подобные совместные находки Н. Е. Макаренко отмечает в раскопках на городище около озера Буромки Сосницкого уезда на Черниговщине, городище Монастырище и в ряде других пунктов. Но в каких отношениях находятся эти две группы керамики, он и здесь сказать не решался. ⁵

Если сам Н. Е. Макаренко был так осторожен и нерешителен в вопросах датировки и определения этнического лица Роменской культуры, а об обоснованиях своих предположений и догадок умалчивал совсем, то другие исследователи без особых объяснений вводили роменские памятники в круг славянской культуры. Так, автор работы «Славянские курганы и городища как исторический источник» еще в 1914 г., характеризуя славянские городища, в числе других указывает и городище «Монастырище» близ Ромен. ⁶ А. А. Спицын в статье «Археология в темах начальной русской истории» ⁷ замечает: «древним городищем, скорее всего северянским,

¹ Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, 1911, стр. 112.

² М. Макаренко. Городище «Монастырище», стр. 5.

³ М. Макаренко, там же, стр. 23.

⁴ М. Макаренко. Орнаментація..., стр. 338.

⁵ М. Макаренко, там же, стр. 335.

⁶ В. Е. Козловская. Славянские курганы и городища как исторический источник. Киев, 1914, стр. 17—18.

⁷ Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову, 1922, стр. 10.

следует считать Роменское, раскапываемое Макаренко (ИАК, вып. 22), Может быть, оно IX в.».

В таком состоянии вопрос датировки культуры городищ роменского типа оставался пока Н. Е. Макаренко монополюльно владел материалами этой культуры, т. е. до 1928—1929 гг.

Что касается материалов из городищ той же культуры или близких ей по своему вещественному облику, раскопанных другими исследователями, как, например, Большого Боршевского городища (раскопки А. А. Спицына),¹ Буромского (раскопки В. Е. Козловской),² Калядинского (раскопки Гендуне) и др., то они были еще менее значительными и уже совершенно не давали возможности разобраться ни в вопросах хронологии городищ, ни их этническом облике.

Между прочим, следует заметить, что, несмотря на незначительность раскопок на Боршевском городище и курганном могильнике и небольшое число находок, среди последних оказались такие вещи (например бронзовая бляшка), которые автор раскопок А. А. Спицын датировал вполне согласно с данными, полученными при раскопках того же городища П. П. Ефименко в 1928—1929 гг.³

Итак, семь раз принимался Н. Е. Макаренко за полевые исследования городищ роменской культуры. Четверть века держал он в своих руках материал из этих городищ. Не раз останавливался он в раздумье над вопросами датировки этих памятников и народности, оставившей их, но так и ушел из жизни, не оставив по интересующим нас вопросам ничего, кроме предположений и догадок, не показав даже и тех доводов, которые клал в обоснование этих предположений.

I

Но эти предположения вскоре оказались несостоятельными. В 1928—1929 гг. П. П. Ефименко были предприняты раскопки Большого Боршевского и смежных с ним городищ и курганных могильников на Дону, близ Воронежа. В 1905 г. это городище и прилегающий к нему курганный могильник раскапывались А. А. Спицыным. Раскопки А. А. Спицына по существу носили разведочный характер и дали незначительный материал. Но и эти данные уже тогда позволили подойти к правильной датировке боршевских курганов.⁴ Добытый материал позволил даже осторожному Н. Е. Макаренко сделать заключение, что культура Боршевского городища стоит близко к культуре городищ роменского типа. Об этом он писал в работе 1924 г., где указывал, что в керамике и костяных изделиях Боршевского городища и могильника «отразилась культура роменских городищ».⁵ Еще определеннее об этом сходстве писал он в работе 1925 г.⁶

Раскопанные одновременно с Большим Боршевским другие городища и курганные могильники близ Воронежа (городище у Кузнецовой дачи, городище у Михайловского кордона, Малое Боршевское городище) дали вещи совершенно аналогичные вещам Большого Боршевского городища. В итоге этих работ был получен обильный материал как для характеристики жизни и быта населения, определения этнического облика обитателей поселения,

¹ ОАК за 1905 г., стр. 82—83.

² В. Е. Козловская. Остатки славянского городища и дюнная стоянка неолитической эпохи на озере Буромка Черниговской губернии Сосницкого уезда. ИТУАК, вып. 47.

³ ОАК за 1905 г., стр. 83.

⁴ Там же.

⁵ М. Макаренко. Городище «Монастырище», стр. 5.

⁶ М. Макаренко. Орнаментация..., стр. 354

так и для датировки исследованных памятников.¹ Вместе с тем материалы эти подтвердили положение Н. Е. Макаренко о сходстве городищ роменской группы с Большим Боршевским городищем, а следовательно, и со всей воронежской группой. К сожалению, авторы фундаментальной работы «Древне-русские поселения на Дону» — П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков — мало коснулись этого интересного и весьма важного вопроса. В ней мы находим лишь общие замечания о синхронности поселений, о сходстве жилищ Большого Боршевского городища с жилищами городищ роменской группы и несколько сравнений отдельных типов керамики.² Поэтому очень трудно судить, в какой мере авторы разделяют взгляды Н. Е. Макаренко по этому вопросу. Хотя из работы явствует, что авторы признают сходство этих памятников между собой, однако, один из соавторов этой работы — П. Н. Третьяков — выступает с несколько иной трактовкой этого вопроса. Он рассматривает роменскую и воронежскую группы как памятники, принадлежащие к различным культурам: роменские — к Северянской, а воронежские — к Вятической, или, — как он называет ее, — к культуре «курганов с деревянными камерами», принимая за характерный отличительный признак последнее захоронение трупосожжений в курганах с деревянными камерами.³ Несколько позднее, в другой своей работе, касаясь археологических памятников славянских племен, П. Н. Третьяков должен был признать наличие захоронений трупосожжений в «деревянных камерах» не только в верховьях Дона, но и в районе Ромен, т. е. как раз в том месте, где сконцентрированы роменские городища. «Следы столь же характерных погребальных сооружений северного типа, — пишет он, — встречены около с. Малые Будки, в окрестностях Ромен, под остатками распаханых курганов. Здесь были найдены сосуды с жжеными костями, бусами и другими мелкими украшениями VIII—X ст. Вокруг сосудов обнаружены остатки деревянных столбов, расположенных, по сообщению Н. Е. Макаренко, по полукругу, а по мнению В. Ф. Беспальчева — по четырехугольнику. Очевидно, эти столбы представляют собой деревянную ограду, известную по курганам верховьев Оки и Дона».⁴ Таким образом, основной признак, по которому П. Н. Третьяков отделял донские славянские поселения (т. е. вятические) от роменских (т. е. северянских), — именно, наличие курганов с деревянными камерами, — оказывается, характерен не только для района Воронежа, верховьев Оки и т. д., но и для района роменских городищ. Очевидно, что указанная автором распространенность курганов с деревянными камерами на территории, занятой роменскими городищами, делает противопоставление памятников роменской и воронежской группы неубедительным. Автор, однако, пытается найти выход из создавшегося положения в сближении культур северян и вятичей. В последней своей работе, посвященной происхождению северных восточнославянских племен, он пишет, что «судя по материалам роменских городищ, культура северянских племен, сложившаяся на Десне, близко напоминала культуру вятичей, отличаясь от нее лишь в деталях».⁵

Этим новым положением автор, во-первых, совершенно невольно подчеркивает полное сходство памятников роменской и воронежской групп, а во-вторых, показывает, насколько неясны и субъективны критерии су-

¹ П. П. Ефименко. Ранне-славянские поселения на среднем Дону. СГАИМК, 1931, № 2. — П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древне-русские поселения на Дону (рукопись).

² Там же, стр. 22.

³ П. Н. Третьяков. Археологические памятники восточнославянских племен в связи с проблемой этногенеза. КС ИИМК, II, 1939.

⁴ П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА СССР, вып. 6, 1941, стр. 33.

⁵ П. Н. Третьяков, ук. соч., стр. 53.

ждения — к какому славянскому племени отнести те или иные археологические памятники. На самом деле, почему отличительным признаком кривичей, славян новгородских и вятичей автор признает обряд захоронения (длинные курганы, сопки, курганы с деревянными камерами), а для вятичей и северян этот признак отбрасывает и все различие сводит лишь к «деталям»? Почему автор не учитывает различия в деталях для длинных курганов и сопок? Но об этом после, ибо это иная тема.

Итак, все различие между памятниками роменской группы и воронежской, даже по П. Н. Третьякову, сводится лишь к деталям, причем и они остаются неразъясненными.

Замечания П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова в работе «Древне-русские поселения на Дону» и выводы П. Н. Третьякова в цитированных работах облегчают нашу задачу обоснования сходства материальной культуры памятников роменской и воронежской групп. Сходство основных черт этих памятников: местоположения поселений в недоступных местах (в лесной чаще, среди болотистых низин и озер, в окружении оврагов и т. п.),¹ наличие там и здесь полуземляночного типа жилищ,² общий облик керамики,³ захоронение в курганах с деревянными камерами⁴ и некоторые другие общие признаки, признанные авторами, позволяют остановиться лишь на деталях.

Наиболее многочисленным материалом в обеих группах памятников является керамика. Поскольку родство керамического комплекса в целом не вызывает сомнений, остановимся лишь на отдельных типах сосудов, показывающих — насколько они сближают эти группы памятников и отдаляют их от других, близких, но не тождественных им. На городищах роменской группы, наряду с повсюду бытующими в это время формами сосудов — горшками, мисками и т. д., встречены глиняные тарелки (сковородки), которые нигде на других поселениях этой поры, насколько нам известно, кроме Саркела,⁵ не встречены. На городищах воронежской группы, в том числе на Большом Боршевском, тарелки (сковородки) обнаружены в большом количестве. Часть из них орнаментирована по краю тем же зубчатым чеканом и веревочкой, что и на городищах роменской группы.

Здесь следует остановиться на одном привходящем вопросе. П. Н. Третьяков утверждает, что южные памятники Роменской культуры (на Ворскле и в прилегающих районах) имеют северное (деснинское) происхождение. К этой южной группе роменских памятников он относит и курганы, раскопанные В. Е. Данилевичем у с. Буд и хутора Березовка, основываясь на родстве инвентаря из этих курганов с деснинскими вещами. В числе прочих вещей из курганных захоронений имеются и глиняные тарелки-сковородки, которые П. Н. Третьяков принял за родственные роменским. «Инвентарь курганов у с. Буд и хут. Березовки, — пишет он, — имеет, повидимому, деснинское происхождение. Здесь встречена грубая лепная посуда в виде плоскодонных горшков и, наконец, тарелок... Все эти черты характерны

¹ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, ук. соч., стр. 27.

² Там же, стр. 22.

³ Там же, стр. 31.

⁴ Там же, стр. 35—36.

⁵ И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. МИА СССР, вып. 6, стр. 216 и табл. VI, 3. — Между прочим, там же (в Саркеле) можно отметить и некоторые другие черты, свойственные памятникам Роменско-боршевской культуры, например, курганы с коллективными захоронениями (Большой курган, раскопанный М. И. Артамоновым в 1935—1936 гг., дал 231 погребение, но уже новым обрядом — трупоположением, вместо трупосожения, как это имело место в курганах с так наз. деревянными камерами. Археологические исследования РСФСР в 1934—1935 гг. Ростовская обл., 56. Стан. Цымлянская, ср. 198).

для керамики деснинских городищ VII—VIII ст., лежащей в основании роменского слоя». ¹ Но П. Н. Третьяков ошибся; нетрудно убедиться, что тарелки из раскопок В. Е. Данилевича ничего общего с тарелками роменских памятников не имеют, как, повидимому, и самые курганы не имеют никакой связи с Роменской культурой. Тарелки из курганов у с. Буд, как описывает их Данилевич, «сделаны из хорошей темносерой глины, не содержащей никаких искусственных примесей и мелко просеянной. Они обожжены отлично и имеют ту типичную блестящую поверхность, которой отличаются серые сосуды скифских курганов. Да и самые тарелки совершенно похожи на те каменные тарелки (и блюда), которые находят очень часто в скифских курганах». ²

Вместе с автором раскопок В. Е. Данилевичем П. Н. Третьяков сделал и вторую ошибку. Тщательный анализ опубликованных В. Е. Данилевичем материалов из раскопок курганов у с. Буд ³ позволил нам, как показано в другом месте, установить, что В. Е. Данилевич раскопал самые настоящие зольники скифского времени, а не курганы каменного века, как думает он, и не курганы VII—VIII столетия, с деревянными камерами северного (деснинского) типа, как утверждает П. Н. Третьяков. ⁴

Еще более ярким свидетельством родства керамических изделий роменской и воронежской групп памятников является наличие там и здесь сосудов, орнаментированных вертикальными желобками (или каннелюрами) по всему корпусу. Сосуды этого типа на территории СССР, кроме городищ роменской и воронежской групп, пока неизвестны. ⁵

Едва ли можно пройти мимо полного родства орнаментации керамики как по технике, так и по сюжету. Правда, процент орнаментированной керамики в роменской группе памятников, повидимому, выше, чем в воронежской, да и орнаментальные мотивы посложнее, что объясняется более длительным существованием городищ роменской группы (в частности, городища Монастырище, которое просуществовало, повидимому, до XI в.). Подобное явление наблюдается и в других местах. Так, Гочевское городище, просуществовавшее вплоть до великокняжеской поры, дает еще более пышную орнаментацию, чем собственно роменские городища, тогда как городища по р. Ворскле, например Опошнянское, жизнь на котором прекратилась на одно-два столетия раньше, дают более бедную орнаментацию, но совершенно родственную как по технике, так и по сюжетам (хотя и более простым) орнаментации собственно роменских поселений.

В керамическом комплексе воронежской группы есть еще одна важная особенность, именно, наличие достаточно большого числа сосудов привозной керамики из южных районов — нижнего течения Дона, Приазовья и т. д. Это преимущественно амфоры, высокие кувшины с одной ручкой и, наконец, лощеные сосуды салтово-маяцкого типа. ⁶ Это, по существу, не что иное, как комплекс керамики Салтово-маяцкой культуры, ⁷ поселения которой граничили с донскими славянскими поселениями. Среди керамических материалов собственно роменских поселений сосудов этого комплекса, повидимому, нет. Тем не менее, это обстоятельство ни в какой мере не

¹ П. Н. Третьяков. Северные восточно-славянские племена. МИА СССР, вып. 6, стр. 33.

² В. Е. Данилевич. Раскопки курганов около с. Буд и хут. Березовки. Тр. XII АС, т. I, стр. 413—415.

³ В. Е. Данилевич, ук. соч., стр. 411—427.

⁴ И. И. Ляпушкин. Итоги полевых изысканий 1945 года в бассейне р. Ворсклы и некоторые выводы из них. (Рукопись).

⁵ Н. Е. Макаренко. Отчет... ИАК, вып. 22, 1906.

⁶ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древне-русские поселения на Дону (рукопись), стр. 91 и 93.

⁷ И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения..., стр. 208—210.

нарушает родства городищ обеих групп в их самобытности. Наносные черты культуры городищ воронежской группы были обусловлены ее удачным географическим расположением на большой водной магистрали, связывающей торговый юг с природными богатствами севера. Этого было лишено роменское захолустье. Собственно роменские поселения были удалены и от поселений Салтово-маяцкой культуры. Зато в более южных поселениях, расположенных в бассейне Ворсклы, т. е. на границе с поселениями Салтово-маяцкой культуры, отдельные типы этого импортированного керамического комплекса были обнаружены. Так, при раскопках Опошнянского городища нами обнаружены фрагменты туземных (салтово-маяцких) амфор.¹ В отношении других городищ есть или нет в них керамика Салтово-маяцкой культуры, сведениями мы не располагаем.

Таковы те детали культуры городищ роменской и воронежской групп, которые свидетельствуют о сходстве этих памятников. Их роднят не импортированные вещи, не чужое, наносное, а именно свое, самобытное.

III

Если раскопки городищ роменской группы на протяжении более четверти века так и не дали достаточно материалов для надежной абсолютной датировки этих памятников, то раскопки памятников воронежской группы, главным образом Большого Боршевского городища, в первые же годы работы (1928—1929 гг.) оказались в этом отношении несравненно плодотворнее. Среди датирующих материалов особенное значение имеет комплекс привозной керамики Салтово-маяцкой культуры (салтовские лощеные сосуды из черной глины, амфоры так наз. туземного типа, высокие сосуды с одной плоской ручкой), дата которого — VIII—X вв. многократно засвидетельствована совместными находками с восточными и византийскими монетами на Северном Кавказе, на Тамани, в Крыму, на Нижнем Дону, в Салтове и в других местах.² В раскопках Большого Боршевского городища керамика этого комплекса была неоднократно вскрыта на полу жилых и хозяйственных построек (например в помещениях №№ 17 и 18), датируя тем самым последний этап жизни Большого Боршевского городища. В этих же жилых и хозяйственных постройках (№№ 17 и 18) были найдены арабские монеты Аббасида Мустаин (862—866 гг.), в виде подвески с припаянной трапециевидной пластинкой, и подражание диргему Саманида-ибн-Ахмеди (914—943 гг.).³ Совместное нахождение этих датирующих материалов (керамики и монет) дали авторам исследования основание утверждать, что конец жизни городища никак нельзя датировать временем ранее конца X в. Кстати заметим, что эти совместные находки керамики Салтово-маяцкой культуры с восточными монетами IX—X вв. дают еще одно подтверждение установившейся даты ее бытования. Кроме того, на Большом Боршевском городище были найдены бляшка венгерского типа и несколько бус, бытовавшие в IX—X вв., что подтверждает выводы, сделанные авторами на основе керамики и монет.

Исходя из мощности культурного слоя, длительность существования городища авторы определяют приблизительно в одно-два столетия, не более,⁴ и в соответствии с этим датируют городище IX—X вв.⁵ Так же датируется и раскопанный прилегающий курганный могильник, керамика которого

¹ И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X ст. КС ИИМК, XII.

² И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения..., МИА СССР, вып. 6, 1941, стр. 210.

³ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, ук. соч. (рукопись), стр. 109.

⁴ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, ук. соч. (рукопись), стр. 109.

⁵ Там же, стр. 23 и 109.

оказалась совершенно тождественной керамике городища. IX веком, как отмечено, А. А. Спицыным была датирована найденная в одном из курганов бронзовая бляшка.¹ Совокупность данных, полученных при раскопках городища и курганного могильника (в частности, обряд захоронения), позволила определить и народность населения, обитавшего в районе Воронежа в IX—X вв. Выводы, сделанные авторами по этому вопросу, не были неожиданными, они лишь подтвердили предположения местных, воронежских исследователей, которые еще в 1906 г. на основе материалов, полученных при раскопках курганов «Хозарского городища» (под Воронежом), выдвинули положение о принадлежности этих курганов славянам.²

За последнее десятилетие количество памятников культуры городищ роменско-боршевского типа значительно возросло. Слои этой культуры обнаружены на Гочевском городище (б. Обоянский уезд Курской губернии), на р. Псле.³ Ряд городищ обнаружен на р. Ворскле — городище у с. Петровского,⁴ в с. Глинске, в с. Опошне⁵ и др. Эти новые памятники дали дополнительные материалы, значительно расширившие наш кругозор в понимании этой культуры как в отношении жизни и быта населения городищ, так и хронологических рамок их существования. Они подтвердили выдвинутую П. П. Ефименко датировку. Так, при раскопках Гочевского городища в 1937 г. в его наиболее ранних слоях были найдены: серьга с привеской из шариков, представляющих стилизацию виноградной кисти (типа найденной Е. Н. Мельник при раскопках в земле Лучан в 1897—1898 гг.); роговая поделка в виде кривого острия, хорошо отполированная с обработанным тыльным концом в виде головки зверька (типа найденной П. П. Ефименко при раскопках Боршевского городища). Первая из этих вещей датируется временем VIII—X вв.,⁶ вторая IX—XI вв., не ранее.⁷ При раскопках Опошнянского городища в числе других вещей, как мы отмечали выше, обнаружены фрагменты амфор салтовского типа, время бытования которых ограничивается VIII—X вв.⁸

Казалось бы, что в свете этих данных вопрос о датировке и этническом облике населения собственно роменских городищ должен быть решен путем распространения на них выводов П. П. Ефименко для воронежской группы, т. е. признания их славянскими, что было уже давно сделано некоторыми исследователями, хотя и без доказательств и датирования их тем же временем (IX—X вв.) с внесением там, где имеются для этого данные, соответствующих поправок в эти хронологические границы. Однако такое безоговорочное решение вопроса оказывается невозможным. Новые данные не только не привели к упрочению положения датировки, предложенной П. П. Ефименко, но даже дали повод к ее пересмотру. Б. А. Рыбаков предложил датировать роменские городища VI—VII вв.

IV

«Из археологических памятников в пределах очерченной территории [от устья Припяти до порогов — с севера на юг и от Днепра до Дона

¹ ОАК за 1905 г., стр. 82—83.

² А. Н. Мартинович. Раскопки курганов вблизи Хозарского городища в 1906 г. Тр. Воронежск. Учен. архивн. комиссии, вып. IV.

³ Д. Н. Эдинг. Экспедиционная работа московских археологов в 1937 г. ВДИ, 1938, № 1/2, стр. 143.

⁴ КС ИИМК, I, стр. 22.

⁵ КС ИИМК, XII, 1946.

⁶ Е. Н. Мельник. Раскопки в земле лучан. Тр. XI АС, т. I, стр. 479—514.

⁷ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, ук. соч. (рукопись), стр. 100—101.

⁸ И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X ст. КС ИИМК, XII, 1946.

с запада на восток — *И. Л.*] особенно интересны городища, основные слои которых относятся к VI—VII вв. Такие городища исследовались Н. Е. Макаренко около Ромен, мною около Суджи (Гочевское городище) и П. Н. Третьяковым на Ворскле.

Городища роменского типа исследованы еще недостаточно, их распространение еще не выяснено, но при современном состоянии наших знаний можно установить, что они тяготеют к лесостепи.

Северной границей городищ, характерных для антской культуры, можно приблизительно считать северную границу лесостепи, а южной — южную границу лесостепной полосы. На востоке пределом является (так же, как и для кладов и погребений) река Дон, где П. П. Ефименко исследовал интереснейшее Боршевское городище. На юго-востоке антские городища соприкасаются с памятниками Салтовской культуры на Северном Донце». ¹

Чем же обосновывает Б. А. Рыбаков выдвинутые им положения, которые здесь приведены в полном их объеме? Какие новые данные позволили автору противопоставить достаточно обоснованной датировке П. П. Ефименко — новую?

Мы неоднократно и внимательно просмотрели только что цитированную работу автора; просмотрели другие его работы, но нигде не нашли ни обоснования выдвинутой им датировки, ни повода для опровержения точки зрения П. П. Ефименко. Не нашли мы также никаких указаний и ссылок на работы других исследователей, которые бы развили и обосновали изложенную автором концепцию. Это обстоятельство заставило нас обратиться к другим археологическим памятникам, которые автор рассматривает в той же связи и датирует их тем же антским временем, т. е. VI—VII вв., и попытаться проследить — нет ли какой-либо косвенной связи между ними и городищами роменско-боршевского типа. Наше внимание привлекла таблица вещей «из кладов и погребений антской эпохи в сравнении с вещами из славянских курганов эпохи Киевской Руси», ² где среди других предметов помещены радимичские височные кольца из Железницкого клада, который автор датирует VII в. ³ Мы были несколько удивлены тем, что кольца этого типа, датируемые не ранее как концом X в., ⁴ почему-то оказываются в кладах VII в. Связи между радимичскими височными кольцами и памятниками роменской культуры до сего времени не отмечалось. Правда, в свое время раскопками Д. Я. Самоквасова ⁵ и П. С. Рыкова в курганах около Гочевского городища, где бесспорно имеются слои Роменско-боршевской культуры, обнаруженные раскопками Б. А. Рыбакова в 1937 и 1938 гг., радимичские кольца были найдены и притом в большом количестве, но лишь в курганах XI—XII вв. В собственно роменских слоях городища, насколько нам известно по раскопкам 1937 г. (в которых мы принимали непосредственное участие), подвески этого типа обнаружены не были. Результаты раскопок 1938 г., к сожалению, до сего времени не опубликованы, и мы ничего сказать о них не можем.

Обратимся же к Железницкому кладу в целом.

Клад был найден в 1856 г. близ с. Железниц Зарайского уезда (на р. Остре). Он содержал: «Два витые шейные обруча, вятического типа, 6 браслетов, кольца, 5 серег, 8 височных подвесок, наконечник пояса, 258 куваческих

¹ Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1 (6), стр. 322.

² Б. А. Рыбаков, ук. соч., стр. 336, рис. 4.

³ Там же, стр. 336.

⁴ Б. А. Рыбаков. Радзімічы. Праці сэкцыі археолёгіі, т. III, Менск, 1932.

⁵ Д. Я. Самоквасов. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии, произведенных в 1909 г. М., 1915 (с приложением альбома древностей).

монет 618—878 гг.»¹ Таким образом, клад можно датировать временем никак не ранее 878 г.; фактически же эту дату нужно, конечно, повысить минимум на четверть века, а то и более, т. е. до начала X в. Как видим, очевидная дата зарытия клада не имеет ничего общего с датировкой этого же клада Б. А. Рыбаковым, т. е. VII в.

Подобной проверке мы старались подвергнуть и некоторые другие даты, установленные Б. А. Рыбаковым для рассматриваемых им памятников. Так, оказалось возможным проверить датировку золотых аграфов из ст. Романовской на Дону, относимых автором к V—VI вв. (см. его табл. 4, д). По поводу этих вещей В. И. Сизов писал «...В Историческом музее, находятся золотые, ромбической формы, застезки, украшенные жемчугом и сапфирами; застезки эти найдены верстах в 20 от городища (правобережного Цымлянского. — *И. Л.*) в Романовской станице в гробнице кургана; вместе с ними найдена золотая монета Льва III Исаврянина (714—741 гг.)...».² Таким образом, дата погребения в достаточной степени ясна: она не ранее второй половины VIII в., а Б. А. Рыбаков без всяких оснований датирует аграфы, найденные в погребении, почему-то V—VI вв.

К сожалению, мы не смогли произвести подобной проверки датировки других вещей из его таблицы или из-за отсутствия паспорта вещей (рис. 4, в и г) или из-за отсутствия четкой документации, как, например, для вещей из Пастерского городища (рис. 4, а, б, е), где при наличии культурных напластований от первых веков нашей эры до великокняжеской поры³ и отсутствии привязки вещей к определенному культурному слою трудно решать — к какому времени относится та или иная вещь. С тем же основанием, с каким Б. А. Рыбаков датирует подвески на рис. 4, а, б и стилизованное изображение коней на рис. 4, е — VI веком, мы можем датировать их X—XII вв. И мы будем, пожалуй, ближе к истине, имея в материалах X—XII вв. аналогии этим вещам, чего не имеет Б. А. Рыбаков в материалах VI в. Опасность использования вещей из Пастерского городища в качестве исторического источника обуславливается еще и тем, что, помимо вещей, добытых В. В. Хвойко при раскопках и в какой-то степени документированных, коллекция содержит большое количество вещей покупных, о чем подробно писал сам В. В. Хвойко.⁴ О хронологии остальных вещей, помещенных на рисунке, которые Б. А. Рыбаков датирует также античным временем (V—VII вв.), судить из-за отсутствия документации не беремся. Но и их датировка в свете разобранных нами фактов может быть поставлена под сомнение, тем более, что подобный прием датировки допущен автором по отношению еще к некоторым памятникам, например к Большому Бельскому городищу, исследованному в свое время В. А. Городцовым⁵ и использованному Б. А. Рыбаковым в рассматриваемой работе.

Как ни спорна датировка этого памятника, однако, верхняя хронологическая грань его существования, кажется, никем не относилась ко времени после начала I в. до н. э. Б. А. Рыбаков полагает иначе. По его мнению, «... наряду с небольшими городищами, возникшими в V—VII вв. (читай — роменскими. — *И. Л.*), мы видим использование местным населением (читай — антами. — *И. Л.*) старых городищ скифской и сарматской эпохи, что дока-

¹ А. А. Спицын. Обзорение некоторых губерний в археологическом отношении. ЗРАО, т. XII, стр. 63—64.

² В. И. Сизов. Раскопки в двух городищах близ Цымлянкой станицы на Дону. Тр. VI АС, т. IV, стр. 279—280.

³ В. В. Хвойко. Городища Среднего Приднепровья. Тр. XII АС, ст. I, стр. 102.

⁴ В. В. Хвойко, ук. соч., стр. 96.

⁵ В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 г. Исследование Бельского городища. Тр. XIV АС, т. III, М., 1911, стр. 93—161.

зывается наличием слоев V—VII вв. на больших городищах типа Бельского, Пастерского, Матронинского и др.»¹ Мы останавливаемся сейчас только на Бельском городище. И здесь, как и в предыдущих случаях, автор никак не обосновывает выдвинутое им положение о наличии там слоев V—VII вв. Между тем, материалы раскопок Бельского городища, опубликованные В. А. Городцовым,² как известно, не содержат вещей V—VII вв. и тем самым не дают основания для предположения Б. А. Рыбакова, а после раскопок В. А. Городцова (в 1906 г.) других исследований там, как будто, не производилось. Обследование нами в 1940 г. Бельского городища и ряда других поселений с зольниками в районе, прилегающем к Бельскому городищу (по р. Ворскле), не дало никаких поводов к пересмотру датировки, выдвинутой В. А. Городцовым для поселений этого типа.

В итоге изучения работы Б. А. Рыбакова мы можем констатировать следующее:

1. Пересмотр датировок был произведен Б. А. Рыбаковым не только для городищ Роменско-боршевской культуры, но и для ряда других памятников той же территории.

2. Ни в одном случае новой датировки отдельного памятника, так же как и городищ Роменско-боршевской культуры, автор совершенно не дает обоснования.

3. В некоторых случаях автор позволяет себе изменять даже абсолютно бесспорные датировки, например, кладов, нижняя хронологическая граница которых основана на нумизматических данных (Железницкий клад).

4. Все изменения датировок произведены в определенном направлении с целью приближения памятников к антскому времени, т. е. к V—VII вв. Датировка памятников более ранних (например Бельского городища) повышена; датировка памятников более поздних (например Железницкого клада) снижена. Отсюда следует, что приемы и методы, положенные Б. А. Рыбаковым в основу датировок рассмотренных им археологических памятников, в том числе и городищ Роменско-боршевской культуры, являются чисто субъективными, подчиненными определенной предвзятой мысли, что дает нам полное право утверждать, что выдвинутая Б. А. Рыбаковым новая дата — VI—VII вв. — «основных слоев» городищ Роменско-боршевской культуры ни на чем не основана, а следовательно, и не может быть принятой.

Передатировка роменско-боршевских памятников понадобилась Б. А. Рыбакову для доказательства некоторых общих положений, которыми он заключил свою работу «Анты и Киевская Русь»: «Материальная культура древне-русских племен IX—XI вв., — пишет он, — сохранила много общих черт с материальной культурой антов. Непосредственная преемственность чувствуется во многом. Височные кольца, подвески, бусы и т. д. сближают антские клады с курганами Киевской Руси...

Вещественные памятники свидетельствуют, что культура, созданная в VI столетии антскими племенами, послужила основой для Киевского государства, для богатой и яркой культуры Киевской Руси...

Анты — не только предки восточных славян, но и создатели всей их культуры».³ Для подобных обобщающих заключений о сущности антской культуры и ее взаимосвязи с культурой Киевской Руси нужно располагать достаточно надежными данными из области антских древностей, чего, как хорошо известно, славяно-русская археология пока не имеет. Древности антов остаются неизученными, да, пожалуй, и малоизвестными. Б. А. Рыбаков, взявшись за обобщающую работу, должен был как-то преодолеть

¹ Б. А. Рыбаков, ук. соч., стр. 322.

² В. А. Городцов, ук. соч.

³ Б. А. Рыбаков, ук. соч., стр. 335—337.

этот недостаток вещественных источников. Однако путь, избранный автором, оказался крайне субъективным.

Кратко подведем итоги.

1. Материалы собственно роменских городищ (Монастырище и др.) не содержат непосредственно датирующих вещей. На их основе можно установить лишь верхнюю хронологическую границу для некоторых поселений. Что касается нижней хронологической границы, то она может быть установлена лишь приблизительно, исходя из стратиграфии и мощности культурного слоя.

2. Более определенная абсолютная дата жизни населения роменских городищ выявляется лишь на основе датировки ранне-славянских памятников воронежской группы, которые, как показано выше, принадлежат к той же, Роменской или, точнее, Роменско-боршевской культуре.

3. Основываясь на датировке памятников воронежской группы, содержащих исключительно лишь слои Роменско-боршевской культуры (например Большое Боршевское городище, где нет ни слоев великокняжеских времен, ни слоев, предшествующих Роменско-боршевской культуре), мы датируем городища роменской группы IX—X вв. с некоторым отклонением от этих границ вниз и вверх для отдельных городищ.

4. Выдвинутое Б. А. Рыбаковым в работе «Анты и Киевская Русь» [ВДИ, 1939, № 1 (6)] положение, что «основные слои» городищ роменского типа, в том числе и Большого Боршевского, относятся к VI—VII вв. и что городища принадлежали антам, ничем не обосновано, не опровергает датировки П. П. Ефименко, и поэтому не может быть принято.

Положение о необоснованности выдвинутой Б. А. Рыбаковым датировки городищ Роменско-боршевской культуры находит подтверждение и еще в одном весьма существенном факте. Если мы обратимся к древностям антского времени, т. е. времени VI—VII вв.,¹ исследованным А. А. Спицыным (зооморфные и антропоморфные фибулы; подвески в виде трапеций, лунниц, широких колокольчиков; браслеты с расширенными концами, гладкие прорезные бляшки от поясов),² географическое размещение которых очень близко совпадает с географическим размещением роменско-боршевских памятников, то заметим, что ни на одном из этих городищ, ни в одном из курганов, связанных с ними, не было найдено не только комплексов этих вещей, но даже и отдельных предметов. С нашей точки зрения это явление не случайное. Повидимому, время существования памятников Роменско-боршевской культуры и «антское время» (VI—VII вв.) не совместимы.

Хотя исследователи и знают отдельные вещи VI—VII вв. и даже комплексы вещей этой поры с территории, которую по письменным источникам следует считать антской и которая в какой-то мере частично совпадает с территорией распространения Роменско-боршевской культуры, но все это случайные находки (преимущественно клады), случайные в том смысле, что они не связаны ни с местами поселений, ни с могильниками сседлого населения, каковым должно считать антов, по данным византийских источников. Поэтому очень трудно судить, в какой мере эти вещи свойственны антской культуре, тем более, что памятники последующей поры (VIII—X вв.) этой территории, так наз. городища Роменско-боршевской культуры, принадлежащие бесспорно славянскому населению, т. е., повидимому, потомкам антов, по своему вещественному составу ни в какой мере не увязываются с ними.

¹ Я подчеркиваю: «антского времени», а не «древностям антов», как это у А. А. Спицына, Б. А. Рыбакова и у некоторых других исследователей.

² А. А. Спицын. Древности антов. Сборник в честь А. И. Соболевского.

Поиски поселений и могильников VI—VII вв. в области Левобережья Среднего Поднепровья, таким образом, продолжают оставаться насущной и почетной задачей, но поиски эти не следует направлять по пути, предложенному Б. А. Рыбаковым.

I. LIAROUCHKIN

SUR LA QUESTION DE LA DATE DES GORODISTCHES DE
LA CULTURE ROMENSKO-BORCHEVSKAIA

R é s u m é

L'auteur du présent article, ayant entrepris en 1940 l'étude des monuments archéologiques de la région du bassin de la rivière de Vorscla (la région de Poltava) y avait découvert deux gorodistchés de l'époque slave — ceux d'Opochnja et de Glinskoje. L'analyse des matériaux archéologiques qui y furent recueillis permet de constater leur analogie frappante avec ceux des gorodistchés de Romny (v. les fouilles de N. E. Makarenko) et de Voronež (v. les travaux archéologiques de P. P. Efimenko). N'ayant pas parmi ceux qui y furent recueillis d'objets qui pouvaient en donner la date, l'auteur a été obligé de se remettre aux matériaux archéologiques des gorodistchés de Romny et de Voronež.

Quant à la question de la date de ces derniers, les opinions qu'émettent nos savants, sont bien différentes. Ainsi P. Efimenko attribue le groupe des gorodistchés de Voronež aux Slaves et les considère comme monuments slaves des IX—X siècles; le groupe de Romny il considère comme synchrone à celui de Voronež. Toute autre est l'opinion de B. Rybakov (v. son article «Les Antes et la Russie Kiévienne», ВДИ, 1939, № 1). Il croit que les gorodistchés du type de Romny (y compris celui de Borchevo) appartiennent à la culture des Antes des VI—VII-e siècles. Cette différence de points de vue a obligé l'auteur du présent article d'examiner de nouveau tous les matériaux, pouvant fixer la date des gorodistchés des groupes de Romny et de Voronež.

L'auteur analyse l'histoire des études des gorodistchés de la culture dite Romny depuis la découverte, en 1901, par N. Makarenko du premier gorodistché de cette culture, celui de Monastyrišče. L'auteur fait voir que malgré la pauvreté des matériaux archéologiques recueillis pendant les fouilles des gorodistchés de ce groupe (Monastyrišče, Vachkevitch, Medvežje etc.), on y avait trouvé assez de matériaux, pouvant fixer la limite supérieure de leur existence. L'auteur indique aussi quelques données qui permettent de fixer leur limite inférieure. C'est seulement l'indécision exorbitante de N. Makarenko, selon l'avis de l'auteur, qui ne lui avait pas permis d'éluder nettement la question de la date du groupe des gorodistchés de Romny, ainsi que la question de l'attribution ethnique de la culture qu'il avait découverte.

Ensuite l'auteur passe à l'analyse des matériaux du groupe des gorodistchés de Voronež et des cimetières à tumulus, découverts par P. Efimenko. Se basant sur les données du monument le plus brillant de ce groupe, — celui de Borchevo, — l'auteur affirme la ressemblance complète des gorodistchés des groupes de Voronež et de Romny et les attribue à une même culture, celle de Romny-Borchevo, dite «Romensko-Borchevskaja», et polémise sur ce point avec P. Tretiakov, qui les considère comme deux groupes différents. Ayant fait l'analyse des matériaux qui ont servi à P. Efimenko de

base pour fixer la date, ainsi que l'attribution ethnique des gorodistchés de Voronež, l'auteur considère l'opinion de P. Efimenko les attribuant aux IX—X siècles comme bien fondée. L'auteur passe ensuite à l'analyse de l'étude de B. Rybakov «Les Antes et la Russie Kiévienne», et n'y ayant trouvé aucun fait direct ou indirect, dans lequel on pourrait puiser un fondement pour son opinion — l'auteur arrive à la conclusion, que l'assertion de B. Rybakov, attribuant les gorodistchés de Romny aux Antes des VI—VIII siècles, ne peut être admise, comme n'étant pas fondée.

L'auteur fait en même temps noter, que nous ne connaissons pas encore de monuments de la culture des Antes et que les recherches de ces monuments sont des plus urgentes.

«Ainsi, — conclue l'auteur, — les gorodistchés de la culture dite Romensko-Borchevskaia doivent être datés par les IX—X-e siècles — date proposée par P. Efimenko, — tandis que les limites chronologiques de certains d'eux peuvent être reculées tantôt en haut, tantôt en bas — ainsi pour le gorodistché d'Opochnia jusqu'au VIII-e siècle, pour celui de Monastyrišče jusqu'au XI-e siècle.
